

И. Н. ОСИНОВСКИЙ

ТОМАС МОР — ГУМАНИСТ И ПОЛИТИК *

Заблуждение относительно «добродетелей» Генриха VIII было характерно не только для Мора, но и для всех его друзей-гуманистов. Они надеялись, что такой образованный и разносторонний человек, каким им представлялся Генрих, станет идеальным просвещенным монархом. Но будущее скоро заставило их горько разочароваться и на опыте убедиться, что под внешним лоском образованности скрывается грубый и жестокий деспот, ни перед чем не останавливавшийся в достижении своих целей. Однако все это показало будущее. Поступая на королевскую службу, Мор все еще был во власти иллюзий и мечтал о том, чтобы по мере своих возможностей приносить пользу обществу в качестве доброго советника при короле. Да и друзья Мора не скрывали надежды, что такой умный, образованный и честный человек, как Мор, находясь на королевской службе, сможет сделать много полезного для своего народа. Эразм заявил, что «счастливы были бы государства, если бы правители ставили во главе их должностных лиц, подобных Мору!»

В 1518 г. Мор становится одним из членов королевского совета и докладчиком прошений, поступавших на имя короля. Эта должность обязывала не только разбираться во всех тонкостях дела, но и предлагать на рассмотрение короля обдуманые решения. В любом деле Мор со всей твердостью цельной натуры руководствовался прежде всего совестью и убеждениями.

В мае 1521 г. Мору с должностью помощника казначея было пожаловано звание рыцаря. Одновременно Мор участвовал в дипломатических миссиях, сопровождая канцлера Уолси в его поездках в Кале и Брюгге. Служебная и придворная карьера Мора развивалась столь успешно, что в 1522 и 1525 гг. ему в награду за службу были пожалованы королем земли в графствах Оксфордшир и Кент. Генрих VIII не мог не ценить Мора за его глубокий ум и обширные познания. Он часто беседовал с Мором не только о государственных делах, но и о математике, астрономии, литературе и богословии¹. Внимание короля тяготило Мора, он был вынужден иногда по нескольку дней не бывать дома, в семье, к которой был очень привязан. Чтобы по-настоящему понять Мора, надо знать его в частной жизни, в общении с друзьями и в семье. В одном из своих писем Эразм дал яркую характеристику Мору, описав его внешний облик, характер, отношения с друзьями и близкими: он был не выше среднего роста, белолиц, хотя и с тонким румянцем, темно-золотистая шевелюра и довольно редкая борода оттеняли очень выразительные красивые голубовато-серые глаза. Лицо всегда дружески приветливое, а улыбка добрая и выдающая склонность к юмору. «С женщинами и даже с женой он почти только шутит и балагурит». Голос у него негромкий, но ясный и внятный, речь удивительно чистая и неторопливая. Мор скромен и прост в своих житейских привычках.

* Окончание. Начало см. в № 2 нашего журнала за 1973 г.

¹ W. R o p e r. The Life of Sir Thomas More, Knighte. Oxford, 1958, p. 11.

Неприхотливый в еде, он всяким лакомствам предпочитал простую пищу: говядину, соленую рыбу, простой хлеб, молоко. Таким же он был и в выборе одежды, и в поведении, пренебрегая условностями и светскими манерами. Он очень любил животных, наблюдал их повадки и нравы. Мор — увлекательный собеседник, ум у него быстрый и находчивый, память отличная. Он был рожден и создан для дружбы, глубоко любил людей. Поэтому Эразм не зря называл его «покровителем всех нуждавшихся, всегда готовым поддержать угнетенного, вызволить стесненного и обремененного».

Под стать самому Морю была и его семья. Молодую жену он заботливо обучал грамоте и музыке, а детям привил любовь к античной литературе и естественным наукам. Мор считал, что женщина должна быть такой же образованной, как и мужчина: «Разница пола в смысле учености значения не имеет», ибо мужчины и женщины, писал он, «одинаково способны к тем занятиям, которые совершенствуют и оплодотворяют разум, подобно почве, на которой посеяны семена мудрости»². Те же прогрессивные взгляды отстаивал Мор и в «Утопии», показав, как мужчины и женщины острова Утопии все свободное время отдают наукам и искусствам. Передовые взгляды на образование Мор старался осуществить на практике: три его дочери получили блестящее образование, а старшая, Маргарита, обладала такими глубокими знаниями древних языков и литературы, что сам Эразм назвал ее «украшением Британии».

В семье Мора царил дружеская атмосфера строгой простоты и жизнерадостности, увлеченности научными и литературными занятиями: глубокое изучение литературы сочеталось с занятиями географией, математикой, астрономией, медициной и музыкой. В письмах к детям, написанных во время длительных отлучек, он часто справлялся об их успехах в науках и иногда обменивался с ними шутивными посланиями в стихах на латинском языке. В своих детях Мор видел прежде всего близких друзей и единомышленников. Его любовь — это необычная родительская любовь. В стихах к ним Мор объяснял, что причина его любви глубже: «Нравы серьезные ваши в столь юные годы причиной, также и ваши сердца, добрым искусством полны. И красноречье ваше в приятно отточенной речи, каждое слово у вас взвешено с точностью в ней. Все это сердце мое наполняет столь дивным волнением, ныне с моими детьми крепко связуя меня». После смерти первой жены Мор женился вторично на вдове, заменившей мать его четверным детям. По словам Эразма, Мор и ко второй жене относился так, словно она была молодой, красивой девушкой. Эразм, останавливавшийся в доме Мора во время приезда в Англию, восхищался тем, с какой мягкостью и сердечностью, иногда с юмором Мор руководит семьей, в которой «никогда не бывает никаких раздоров, никаких ссор».

Большое влияние на дальнейшую политическую деятельность Мора оказала Реформация. Он резко выступил против Лютера. Враждебно встретил учение Лютера и Генрих VIII. Будучи по образованию богословом³, король часто обсуждал с Мором вопросы Реформации. В 1521 г. под именем Генриха VIII была опубликована книга против Лютера в защиту семи таинств⁴. Морю пришлось редактировать эту книгу, а возможно, и выступать в качестве соавтора. В награду за этот труд Генрих VIII получил от папы Льва X почетный титул «защитника веры», кроме того, каждому, прочитавшему эту книгу, папа обещал отпущение грехов. С выходом в свет книги Генриха VIII связано начало полемической деятельности Мора против Реформации. На книгу английского короля Лютер ответил резкой статьей, в которой ругал Генриха VIII, называя его «грубой, глупой, ослиной башкой» и «бессмысленным шутом, не понимающим, что значит вера»⁵. В 1523 г. Мор опубликовал «Ответ Томаса Мора на глумления, которыми Мартин Лютер осыпает английского короля Генриха VIII» и, не уступая по резкости и грубости тона самому Лютеру, называл его «пьяницей» и «невеждой»⁶.

² T. Stapleton. The Life and Illustrious Martyrdom of Sir Thomas More. London, 1966, p. 95.

³ Генриха VIII готовили в юности на пост архиепископа Кентерберийского, и лишь неожиданная смерть его старшего брата Артура привела его на королевский престол.

⁴ «Assertio septem sacramentorum adversus Martinum Lutherum, aedita ab inuictissimo Angliae et Franciae Rege et Do. Hyberniae Henrico eius nominis octavo». Londini, 1521.

⁵ Цит. по кн.: К. Каутский. Томас Мор и его утопия. М., 1925, стр. 172.

⁶ Thomae Mori responsio ad convitia Martini Lutheri, congesta in Henricum Regem Angliae, eius nominis Octavum. — «The Complete Works of St. Thomas More», vol. 5. New Haven, 1969. Орывок из этого сочинения Мора под заглавием «Собор собутыль-

В 1523 г. по представлению первого министра Уолси и с одобрения короля Мор избирается спикером палаты общин. Но расчеты Генриха VIII и Уолси не оправдались: Мор не был их послушным орудием в парламенте. Как и в молодые годы, он делает все от него зависящее, чтобы противодействовать королевскому произволу в парламенте. В частности, Мор отказался поддержать требование короля и Уолси об утверждении новых налогов⁷. Мужественная позиция Мора в парламенте еще более укрепила его политический авторитет и содействовала дальнейшему росту популярности среди представителей третьего сословия. Канцлер и король пожелали было отделаться от строптивого спикера, предложив ему отправиться в качестве посла в Испанию. Как рассказывает зять Мора У. Ропер, он отказался от этого назначения под предлогом «расстроенного здоровья». На этот раз король уступил. Неизвестно, чем была вызвана подобная мягкость Генриха VIII, но, по словам Ропера, король будто бы сказал: «Не в наших намерениях, Мор, делать вам неприятное; напротив, мы рады, если можем сделать для вас что-либо хорошее; мы подыщем для этой поездки другого человека, а вашими услугами воспользуемся в каком-либо ином деле»⁸. Король вынужден был считаться и с огромной популярностью Мора, и его способностями как государственного деятеля. Впоследствии Генрих VIII даже навещал Мора в его скромном доме в Челси (тогда еще деревушка, расположенная в двух милях от Лондона вверх по течению Темзы), куда он переехал из Лондона со всем семейством. Ропер рассказывает, что король, наезжая иногда в Челси, обедал у Мора и прогуливался с ним по саду в объимку⁹. Но к тому времени Мор успел уже порядочно разочароваться в «добродетелях» Генриха VIII. Он не обольщался «милостивым отношением» к нему этого жестокого и самовластного короля. Как-то после одного из «таких дружеских» посещений Мор сознался зятю, что король, не задумываясь, отрубил бы ему голову, если бы этой ценой он мог приобрести хотя бы один ничтожный замок во Франции, с которой Англия в это время вела войну¹⁰. Однако Генрих VIII, по-видимому, все еще возлагал на него немалые надежды.

В 1525 г. Мор получает высокий пост канцлера герцогства Ланкастерского. Одновременно с должностью канцлера он продолжает выполнять дипломатические поручения. В 1527 г. в Амьене совместно с Уолси Мор вел переговоры с представителями короля Франсиска I; летом 1529 г. он со своим другом и коллегой по первому посольству (1515 г.) во Фландрию К. Тенсталлом совершает дипломатическую поездку в Камбре, где участвует при заключении мирного договора Англии и Франции с Испанией.

В конце августа 1529 г., когда Мор и Тенсталь вернулись в Англию, они едва ли подозревали о внезапном повороте в государственных делах королевства, происшедшем в их отсутствие. Власть всемогущего канцлера Уолси, как и его влияние на короля, была заметно поколеблена. Вскоре Уолси был обвинен в превышении полномочий и лишен большой государственной печати. 4 ноября 1530 г. он, смертельно больной, был арестован и 29 ноября 1530 г. скончался. Как сообщает Хроника Холла, после долгого обсуждения выбор короля остановился на «сэре Томасе Море, рыцаре, человеке, хорошо сведущем в языках, а также в обычном праве, человеке тонкого и острого ума, полного идей, вследствие чего он был очень одарен склонностью к насмешке, что для его достоинства было большим пороком»¹¹. 25 октября 1529 г. Мору была вручена большая печать лорда-канцлера Англии. На следующий день на торжественном собрании в Вестминстере герцог Норфольк представлял нового канцлера. В традиционной ответной речи Мор высказал трезвое суждение по поводу своего назначения канцлером: «Я считаю это кресло местом, полным опасностей и трудов и далеко не таким почетным. Чем выше положение, тем глубже падение, как это видно по моему предшественнику. Если бы не милость короля, я считал бы свое место столь же приятным, сколь Дамоклу был приятен меч, висевший над его головой»¹².

ников» — злая сатира на Лютера и его сторонников — приложен к кн. В. И. Яковлев и к о. Томас Мор, его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1891, стр. 66—67.

⁷ W. Roper. Op. cit., p. 17—19.

⁸ Ibid., p. 19—20.

⁹ Ibid., p. 20—21.

¹⁰ Ibid., p. 21.

¹¹ E. Hall. The Triumphant Reign of King Henry VIII, vol. II. London, 1904, p. 158.

¹² T. Stapleton. Op. cit., p. 22; W. Roper. Op. cit., p. 39—40.

Сделавшись вторым лицом в государстве после короля, Мор не изменил скромности и простоты в домашней жизни, продолжая жить в старом доме в Челси, не изменил он и своих взглядов, оставаясь по-прежнему человеком, чуждым компромиссам, не способным на сделку с собственной совестью. К тому времени, как Мор стал канцлером, у него уже были сложившиеся взгляды на Реформацию, ему принадлежало несколько полемических сочинений, написанных против Лютера и английского реформатора Уильяма Тиндаля¹³, зарекомендовавших его как общепризнанного и официального противника Реформации. В отношении Мора к Реформации наиболее ярко сказались противоречия гуманизма. Начав как критик католического духовенства и провозвестник идей Реформации о необходимости «очистить» христианское учение от схоластики, Мор, как и его друзья-гуманисты (Эразм и др.), не поддержал Реформации. Более того, напуганные широким социальным движением, которое вызвала вспыхнувшая в Европе Реформация, гуманисты в большинстве своем поспешили отмежеваться от лютеранской ереси, приписывая ей главную вину в подстрекательстве к «бунту черни».

Для философско-богословского аспекта полемики гуманистов с реформаторами весьма показателен знаменитый спор Эразма с Лютером о свободе воли. В трактате «О свободе воли», опубликованном в августе 1524 г., Эразм оспаривал тезис Лютера о несвободе человеческой воли. Всякое действие человека определяется не его свободной волей, а божественным предопределением, учил Лютер. Тем самым, по мнению гуманистов, Лютер снимал вопрос о моральной ответственности человека за его дела. Эразм же, не одобряя Лютерову критику католицизма, подчеркивал большое значение «добрых дел», которые в немалой степени зависят от свободной воли человека. Лютер и раньше упрекал Эразма за то, что тот придает человеческому началу большее значение, чем божественному. В трактате «О рабстве воли», направленном против Эразма, Лютер утверждал, что само понятие свободы воли несовместимо с верой в божественное предопределение. Более того, человеческая воля, по Лютеру, подобна вьючному животному, которое в равной степени может оседлать либо бог, либо дьявол. В пылу полемики Лютер упрекал Эразма в «лживом красноречии» и обрушивался на него с грубой бранью. Обращаясь к Эразму, он писал: «Ты кормишь в своем сердце Лукиана или каких-нибудь других свиней из эпикурова стада. С этими свиньями ты сам не веришь в бытие божие, смеешься тайно над всеми, которые верят и признают бога. Оставайся со своими скептиками и академиками, но дух святой отнюдь не с ними»¹⁴.

Мор выступил в поддержку Эразма. Свои доводы против Лютера он обосновывал здравым смыслом и общечеловеческой этикой, подчеркивая ответственность человека за его дела. «Если все приходит от веры, если для человека не остается никакой свободы, как вы, лютеране, упрямо настаиваете, какой же смысл в том, чтобы убеждать кого-то быть добродетельным и наказывать того, кто порочен? Вы не можете также высказывать какое-либо возражение против ваших оппонентов, если они ничего не совершают свободно, но во всем вынуждены поступать так, как это им предписано судьбой и поскольку вы даже не можете отвечать за все то, что пишете сами, ибо вы пишете тоже не из собственного побуждения, но благодаря побуждению судьбы». Таким образом, оспаривая трактовку Лютером божественного предопределения как несовместимого с самим понятием свободы воли человека, Мор выдвигает на первый план значение добрых дел в жизни человека. В этом он вполне солидарен с Эразмом, который считал, что первейшая обязанность человека — украшать жизнь добрыми делами.

Был и политический аспект в полемике Мора с Лютером и его последователями. В трактате Мора «Ответ Лютеру», опубликованном в 1523 г. под псевдонимом Уильяма Росса, он писал, что распространение учения Лютера вызовет серьезные последствия: раскол в церкви и гражданские «смуты». Мор же, как и Эразм, защищал общий для них идеал: мир «среди европейских государей».

¹³ Большой полемический труд Мора «Диалог о Тиндале» был написан в 1528 г. В июне 1529 г. вышло первое издание «Диалога». В 1531 г. было опубликовано второе издание «Диалога» с прибавлением к нему «Возражения на ответ Тиндаля».

¹⁴ Цит. по кн. А. Н. С а в и н. Религиозная история Европы эпохи Реформации, вып. I. М., 1914, стр. 192.

Литературная полемика Мора против Реформации, а также резко отрицательная позиция Эразма по отношению к реформационным доктринам свидетельствуют о том, что при всем глубоком понимании пороков католической церкви, при всем отвращении к схоластике и догматизму и Мор и Эразм питали еще большее отвращение к реформационным учениям: «схизмы», раскол, поразившие Европу, воспринимались ими как трагедия, угрожавшая гибелью всей культуре, которой они так дорожили. Им казалось, что католицизм при всех своих пороках «на протяжении вот уже тысячи лет» объединял народы и государства Европы в единое духовное целое. Он представлялся Мору и Эразму ценностью общечеловеческого значения, с которой, по их мнению, не в состоянии были соперничать никакие реформационные доктрины с их узостью мысли и фанатизмом. Католицизм осознавался Мором и Эразмом как гарантия политического единства и мира в Европе. Реформационное же движение с точки зрения гуманистов, напротив, порождало раскол, смуту и восстания «низов», а это в их глазах представляло величайшую опасность. Лютера и его сторонников Мор считал непосредственными виновниками вспыхнувшей в Германии Крестьянской войны, исторически справедливый характер которой он не осознал. В народных движениях Мор и его друзья-гуманисты видели лишь разрушительное начало, проявление народной «смути». В боязни народных движений, в непонимании их прогрессивной антифеодальной направленности сказывалась историческая ограниченность гуманизма как буржуазного в своей основе, просветительского движения. Поэтому Мор, Эразм и их единомышленники, как правило, без колебаний предпочли католицизм «общественным беспорядкам» и «всеобщему хаосу», которые вызвала Реформация. И если христианство в середине века было идеологией господствующего класса и давало ему идеологическую форму внешнеэкономического принуждения народных масс к повиновению, являясь своего рода благочестивым обманом, то еще более благочестивым, но уже самообманом, было воображать, как это случилось с некоторыми гуманистами, что на основе идеи единого христианского тела можно было реформировать католическую церковь, чтобы создать справедливый социально-политический порядок, достойный человека. В этом смысле реформа, о которой мечтали Мор и его друзья, построенная на иллюзорном христианском единстве общества, как вселенская церковь, с самого начала являлась чистой утопией, за которую этим мыслителям только и оставалось цепляться в страхе перед неотвратимостью социальных и политических коллизий, раздиравших феодальную Европу эпохи Реформации.

В том, что умудренный политик Томас Мор не находил ничего лучшего, как отставить утопию единой вселенской церкви, сказывался кризис европейского гуманизма как ранней формы буржуазного просвещения, которая исчерпала себя. Широта гуманистической социальной критики кануна Реформации у Мора и Эразма, восхищавшая их современников и потомков, в эпоху Реформации, когда антифеодальное движение приобретало четкие классовые формы, превратилась в свою противоположность¹⁵, поскольку ни один социальный лагерь тогдашнего мира не отвечал полностью идеологическим и политическим чаяниям христианских гуманистов. Безысходность и утопичность позиции гуманистов, примкнувших к контрреформации и продолжавших отстаивать идею о христианском единстве, о вселенской церкви, тем явственней, что сами же они, как это видно из прежних сочинений Мора и Эразма, написанных в канун Реформации, в лучшие дни гуманизма принимали пресловутое единство католической церкви скорее иронически и сатирически, нежели как благочестивую реальность, достойную стать исходным моментом исцеления общества от всех реальных недугов и мерзостей, изображаемых в многочисленных сатирах гуманистов. И в этом отношении контрреформационная утопия вселенской церкви была несомненным шагом назад, свидетельствовала о том безысходном тупике, в котором оказался христианский гуманизм Мора, Эразма и их единомышленников.

Естественно, видя в Реформации сплошную анархию, бунт и источник политических междоусобиц, Мор не мог признать Реформацию в Англии и боролся против нее до последних дней своей жизни. Как провидательный политик, Мор отлично понимал, что, так же как и в Германии, Реформация в Англии неизбежно повлечет за собой захват церковных земель и разграбление церковных имуществ королем, дворянством и бур-

¹⁵ См. К. Маркс и [Ф.] Энгельс. Соч., т. 22, стр. 21—22.

жуазией. Хищнические, грабительские мотивы английских сторонников Реформации для Мора были слишком очевидны. Поэтому в полемике с английскими реформаторами Мор выражал убеждение, что секуляризация монастырских имуществ, которую проповедовали реформаторы, еще больше ухудшит положение бедняков¹⁶. И Мор не ошибся в своем предвидении. Когда Реформация впоследствии победила в Англии и монастырские земли попали в руки новых владельцев — предприимчивого дворянства и буржуазии, они первым делом приступили к огораживаниям и поспешили изгнать прежних держателей этих земель — крестьян. К. Маркс подчеркивал в «Капитале», что английская Реформация дала новый страшный толчок огораживаниям, способствуя обогащению хищников — дворян и буржуазии, разорению крестьян и увеличению нищеты и бродяжничества¹⁷.

Столкновение Мора с Генрихом VIII, окончившееся его гибелью, и произошло как раз на почве Реформации. Никакие репрессии правительства не могли помешать проникновению в Англию идей Реформации. Весь ход исторического развития Англии толкал страну на разрыв с папством. Новое дворянство и буржуазия были кровно заинтересованы в создании более дешевой национальной церкви. Особенно крупные выгоды в случае победы Реформации в Англии сулила им предстоявшая возможность захвата церковных имуществ. Под давлением этих вейний и сам Генрих VIII, наконец, решился пойти на разрыв с папой, тем более, что это обещало ему, будущему главе английской церкви, немалые выгоды не только политические, но и материальные: возможность конфисковать богатства английской церкви. Поводом для разрыва с папой явилось дело о разводе короля с его первой женой, Екатериной Арагонской. Генрих VIII хотел жениться на красивой фрейлине королевы Анне Болейн. Чтобы развод считался законным, его должен был утвердить сам папа. Однако папа не сделал этого. Екатерина Арагонская приходилась родной теткой императору Карлу V, от которого папа политически зависел, и он не желал ссориться с императором. Все это создавало формальный повод для разрыва Генриха VIII с папой. В качестве основного аргумента в пользу развода Генрих VIII выдвинул довод о «противоестественности» своего брака с той, которая сперва предназначалась в жены его умершему брату Артуру. Правда, король вспомнил об этом почти через 20 лет после женитьбы. Повод, конечно, не внушал доверия. Поэтому король обратился за помощью к университетам Оксфорда, Кембриджа, Парижа, Орлеана, Болоньи, Падуи и др. и за деньги добился от них письменных подтверждений «законности» королевского развода. Естественно, что Генрих VIII нуждался в политической поддержке канцлера Мора в деле о разводе. Но надежды короля не оправдались. Мор не захотел кривить душой и защищать фальшивые доводы короля против Екатерины Арагонской.

11 мая 1532 г. Генрих VIII предъявил собранию духовенства требования, отвергавшие власть папы, изумив присутствовавших тем, что объявил об этом на 25-м году своего царствования. Хроника Холла рассказывает о том, как король призвал спикера, 12 членов палаты общин и с ними 8 лордов и сказал им: «Горючо любимые подданные, мы думали, что духовные лица нашего королевства всецело были нашими подданными, но теперь мы обнаружили, что таковыми они были лишь наполовину и в действительности едва ли нашими подданными, так как все прелаты при их посвящении дают клятву папе, явно противоречащую клятве, которую они дают нам. Так что они, по-видимому, являются его подданными, а не нашими. Тексты обеих клятв я вам здесь предъявляю и прошу вас принять какие-то меры, чтобы мы не вводили этим в заблуждение наших духовных подданных»¹⁸.

После короткой борьбы 15 мая 1532 г. духовенство согласилось принять все требования короля, а на следующий день после этого канцлер Мор возвратил королю большую государственную печать, заявив тем самым об отставке. Отставка Мора имела непосредственное отношение к случившемуся. Поступок Мора был для него небезопасен и свидетельствовал о большом мужестве и глубокой принципиальности бывшего канц-

¹⁶ См. памфлет Мора «Мольба душ», написанный против Симона Фиша, выступившего с яростными нападками на английское духовенство и проповедовавшего секуляризацию церковных богатств в пользу королевской казны. T. M o r e. Workes. London, 1557, p. 301—302.

¹⁷ См. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 23, стр. 732—733.

¹⁸ E. H a l l. Op. cit., vol. II, p. 240.

лера. Мор не мог идти против своей совести и стать послушным орудием короля. Но все же он не желал, чтобы его добровольная отставка была воспринята как политическая демонстрация. Поэтому некоторое время Мор настаивал на той версии, что его отставка вызвана плохим состоянием здоровья. Однако дальнейший ход событий внес существенные коррективы в отношении этой официальной версии об отставке.

Истинные мотивы отставки Мора не могли быть секретом для Генриха VIII. Король не замедлил обрушить репрессии на опального канцлера. Против Мора начался уголовный процесс по обвинению в «государственной измене». Согласно обвинению, преступление Мора якобы состояло в том, что он поддерживал некую «святую» монахиню Елизавету Бартон, пророчившую гибель королю в случае его женитьбы на Анне Болейн. Сохранились письма Мора на имя Генриха VIII и Т. Кромвеля¹⁹, в которых Мор решительно отвергал выдвинутые против него обвинения о соучастии в преступлении Бартон. Мор утверждал, что он всегда скептически относился к «откровениям» и «чудесам»²⁰, приписываемым этой монахине. Авторитет Мора и его популярность были настолько велики, что и парламент не мог принять всерьез вымышленного обвинения о соучастии Мора в преступлении монахини и не поддержал выдвинутого против Мора обвинения. Оно было снято.

Мор не обольщался надеждами на будущее, он понимал, что «оправдание» — отсрочка и что король лишь отложил свою месть. Поэтому, когда старшая и любимая дочь Мора Маргарита выразила свою радость по поводу счастливого исхода дела, Мор с грустью возразил ей: «Отложить дело — не значит его отменить»²¹. В своем предвидении Мор не ошибся. 23 мая 1533 г. архиепископ Кентерберийский Крэнмер провел в Денстебле судебное заседание, на котором в отсутствие королевы Екатерины было провозглашено, что ее брак с Генрихом VIII признается недействительным, а спустя пять дней состоялось бракосочетание короля с Анной Болейн. Хотя неофициально Генрих VIII женился на Анне еще в конце января 1533 г., торжественная коронация новой королевы состоялась 1 июля. Мор отказался присутствовать на церемонии. У. Ропер писал об этих днях Мора в мемуарах. Узнав о провозглашении нового брака короля, Мор сказал своему зятю: «Господи, дай милость, чтобы эти дела через некоторое время не были подкреплены присягами!» Опасение Мора вскоре подтвердилось. После рождения принцессы Елизаветы, в начале 1534 г., парламент принял новый «Акт о наследовании». Согласно акту, дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской, принцесса Мария, объявлялась незаконнорожденной и исключалась из числа наследников короны, поскольку предшествующий брак короля был признан незаконным. Кроме того, отвергались какие бы то ни было права «епископа Рима», т. е. папы, касающиеся заключения или расторжения брака английского короля. Все дела такого рода отныне переходили в компетенцию «архиепископов, епископов или других священнослужителей церкви Англии». В случае смерти Генриха VIII права на английскую корону должны были перейти к принцессе Елизавете. К Акту прилагалось постановление о присяге. Эту присягу обязаны были приносить все подданные по первому требованию короля, его наследников или лиц, специально уполномоченных королем. Присяга подразумевала безоговорочное принятие и соблюдение всех положений Акта. В частности, кроме лояльности по отношению к новому порядку наследования, присяга требовала признания незаконным аннулированный брак Генриха VIII с бывшей королевой Екатериной и признания законным его новый брак с Анной Болейн, а также отвергала авторитет и компетенцию папы в деле о браке английского короля. Текст присяги включал также формулу отречения от папской власти, равно как и от власти всякого иностранного государя. Король, подчеркивалось в присяге, является единственным сувереном. Отказ от присяги квалифицировался как «изменнический умысел», караемый конфискацией имущества и тюремным заключением.

У. Ропер рассказывал, как в первое воскресенье после Пасхи, 12 апреля 1534 г., он вместе с тестем прибыл из Челси в Лондон, чтобы послушать проповедь в соборе Св. Павла. После проповеди Мор и его зять отправились в старый лондонский дом, где

¹⁹ Th. More. The Correspondence. Princeton, 1947, № 197, 198, 199.

²⁰ Ibid., p. 486.

²¹ W. Roper. Op. cit., p. 71.

когда-то жила семья Морев и где теперь проживал его воспитанник Джон Клемент ²². Здесь прошли годы Мора после женитьбы, выросли его дети, здесь его навещали самые близкие друзья — Джон Колет и Эразм. Тут же в доме Клементов Мор получил вызов прибыть на следующий день в Ламбетский дворец, чтобы перед членами специальной комиссии принять присягу. Получив это известие, Мор и Ропер тотчас же возвратились в Челси. Прибыв домой, Мор отправился в церковь, исповедовался и прослушал мессу, как он обычно делал перед тем, как отправиться в посольство или принять какое-либо важное решение. На следующий день, простившись с женой и детьми, он в сопровождении Ропера и четырех слуг сел в лодку, чтобы по Темзе отправиться во дворец. Ропер вспоминал, что, уже сидя в лодке, Мор твердо решил, как он будет себя вести: «Сын, Ропер, — тихо сказал Мор, — я благодарю нашего всевышнего — сражение выиграно». «Я очень рад этому, сэр», — ответил Ропер, еще не понимая, что имел в виду его тесть ²³. Лишь впоследствии, пишет Ропер, он смог оценить всю важность сказанных Мором слов. Это был итог мучительных раздумий и внутренней борьбы Мора с самим собой. Решая свою личную судьбу, Мор так или иначе брал на себя суровую ответственность за дальнейшую судьбу близких. Для себя Мор уже решил, как он должен поступить, и это было решение, подсказанное совестью и убеждениями, а потому неизменное и окончательное.

Поспешность, с какой Мор был вызван для принятия присяги, кажется тем необычайней, что бывший канцлер в то время не занимал никакого официального положения, он даже не был членом парламента, а всего лишь частным лицом. Примечательно и то, что Мор был вызван в комиссию для принятия присяги «Акту о наследовании» 13 апреля 1534 г., т. е. более чем за две недели до того, как таковой вступил в силу. Вероятнее всего, что эта акция в отношении Мора была осуществлена с ведома и санкции самого короля. Генрих VIII видел, что моральный авторитет бывшего канцлера в глазах общественного мнения Англии и за рубежом был настолько высок, что его отставка и нынешнее вынужденное политическое бездействие являлись осуждением новой королевской политики. По-видимому, Генрих VIII и его секретарь Кромвель всерьез рассчитывали, что вызов Мора в комиссию для принятия присяги не только поможет сломить его упорство, но и послужит убедительным примером для всех колеблющихся и несогласных с церковной политикой короля. Однако будущее не оправдало этих расчетов. В письме Мора к дочери Маргарите мы находим подробный отчет о том, как 13 апреля 1534 г. он предстал перед комиссией для принятия присяги. В составе комиссии были архиепископ Крэнмер, новый лорд-канцлер Т. Одли, королевский секретарь Т. Кромвель и будущий настоятель Вестминстерского аббатства У. Бенсон. Мор, по его словам, заявил членам комиссии, что он не отказался бы присягнуть «Акту о наследовании», но не может принять предложенного текста присяги, «не обрекая свою душу на вечную погибель». Как показало дальнейшее расследование, возмущение Мора против предложенного ему текста присяги основывалось на том, что в присяге отвергался авторитет папы как и «всякой иноземной власти или монарха». Впрочем, сам Мор отказывался давать какие бы то ни было разъяснения относительно причин своего отказа. Он лишь сказал, что отнюдь не осуждает тех почтенных и уважаемых людей, которые уже приняли присягу или готовы принять ее, но его личная совесть и убеждения не позволяют ему поступить подобным образом. Среди членов комиссии царило замешательство. На несколько дней Мор был отправлен в монастырскую обитель под попечение аббата Вестминстера. Тем временем в комиссию для принятия присяги был вызван старый друг Мора епископ Рочестерский Джон Фишер, который, подобно Мору, выразил желание принять присягу наследованию, но не «в отношении всего содержания настоящего Акта». После своего отказа от присяги епископ Фишер был отправлен в Тауэр.

Стремясь найти выход из создавшегося трудного положения, в котором оказалась комиссия, Крэнмер предложил Кромвелю сделать уступку Мору и Фишеру, разрешив им принять присягу лишь в отношении наследования, но так, чтобы это не стало известно широкому кругу лиц. В результате все считали бы, что Мор и Фишер приняли присягу целиком. Крэнмер мотивировал свое предложение тем, что подобная мера поможет унять «вдовствующую принцессу» (так он называл бывшую жену Генриха VIII

²² Джон Клемент, которого Мор увековечил в своем вступительном письме к Петру Эгидию — этом своеобразном введении к «Утопии». — Т. Мор. Утопия. М., 1953, стр. 35.

²³ W. Roper. Op. cit., p. 73.

Екатери́ну), импера́тора, а также «многих других в этом королевстве». Кромвель доложил королю о предложении Крэнмера. Генрих VIII, однако, потребовал, чтобы епископ Рочестерский и Мор приняли присягу полностью, иначе «это может быть воспринято как утверждение авторитета епископа Рима (т. е. папы) и как осуждение второго брака короля». 17 апреля 1534 г. Мор снова был вызван в комиссию и вновь отказался от принятия присяги, после чего также был отправлен в Тауэр.

В то время еще не встал вопрос о королевском верховенстве в делах веры. Пока дело касалось лишь «Акта о наследовании». Титул верховного главы церкви Англии, принятый Генрихом VIII от имени духовенства, еще не получил законную силу, так как «Акт о верховенстве» не был проведен через парламент до конца 1534 г. Поэтому в течение первых 12 месяцев заключения Мора и Фишера не беспокоили допросами и не предъявляли им никаких новых обвинений. В Тауэре Мора навещали его жена Алиса и дочь Маргарита. Ему было разрешено иметь книги и письменные принадлежности, при заключенном даже находился его личный слуга Джон а'Вуд. Жена Мора должна была платить по 15 шилл. в неделю, как она выражалась, «за стол и квартиру» своего мужа в Тауэре. По свидетельству Ропера, госпожа Алиса во время свидания с мужем в Тауэре весьма настойчиво уговаривала его уступить королю, приняв требуемую присягу и этой ценой обрести свободу и покой в кругу семьи и среди любимых книг. Мор всякий раз со своим обычным юмором, но весьма твердо отвергал заманчивую перспективу обрести свободу ценой отказа от своих убеждений. Известно также, что дочь Мора Маргарита Ропер в одном из писем к отцу в Тауэр также убеждала его подчиниться воле короля. В ответном послании Т. Мор признался, что из всего ужасного, что ему пришлось выслушать, ничто его не трогало так близко, как письмо дочери, в котором она «так горячо и жалостливо пытается убедить его изменить то, что от него не зависит». «В том, что касается Вашего письма, — писал Мор, — я не могу дать Вам никакого ответа» и «не могу заставить себя следовать Вашему совету». С большой душевной болью Мор напоминал дочери о том, что та лишила поведения, которую он избрал, не вызвана ничем иным, кроме «чистой необходимости» и «уважения к собственной совести... И поэтому, дочь Маргарита, я не могу следовать Вашему мнению и хочу просить Вас оставить эту заботу и удовольствоваться моим прежним ответом»²⁴. Мор признавался также, что одно сознание беды, которую из-за него переживают семья и ни в чем не повинные друзья, для него «более смертельное горе, чем услышать о собственной смерти».

В течение первых шести месяцев заключения в Тауэре Мор еще пользовался привилегиями, облегчавшими его тюремный быт, но затем положение резко меняется. 3 ноября 1534 г. открылась седьмая сессия пятого парламента Генриха VIII. Сессия продолжалась в течение шести недель, т. е. до 18 декабря. На ней были утверждены законодательные акты, решившие дальнейшую судьбу Мора и его друга Фишера. Парламент принял «Акт о верховенстве», в котором говорилось, что, хотя король и «был признан духовенством этого королевства как верховный глава», необходимо в законодательном порядке утвердить новый титул короля для «возрастания добродетели в религии христовой в этом королевстве». В связи с этим учреждался полный и безраздельный контроль короля как «верховного главы английской церкви» над всей церковью страны. Акт решительно упразднил всякий «иностранный авторитет» и любое иностранное вмешательство в церковные дела Англии. Последнее положение было направлено против папства. Согласно постановлению парламента, все платежи, десятины и доходы первого года от бенефициев, которые прежде платили папе, теперь полагалось платить королю Англии. Был утвержден также второй «Акт о наследовании», который имел целью упорядочить вопрос о присяге. Следующей акцией парламента явилось издание «Акта об измене». Новый «Акт об измене» квалифицировал «как государственную измену» широкий перечень различных деяний, направленных против короля. К числу этих «злонамеренных» действий, в частности, были отнесены любые слова, написанные или сказанные против особы короля, королевы или их наследников, порочащие их королевское достоинство или же отрицающие какой-нибудь их титул. Такое широкое толкование понятия «государственная измена» открывало безграничные возможности для злоупотреблений; достаточно было простого доноса о преступных, злонамеренных высказываниях обвиняемого, и ему гро-

²⁴ Th. More. The Correspondence, p. 508—509.

зла смертная казнь за измену. Для Мора и Фишера наиболее опасным обвинением, вытекавшим из «Акта об измене», могло стать обвинение в отрицании «одного из титулов короля». Под конец работы седьмой сессии парламента палата общин утвердила специальные Акты, обвинявшие в государственной измене епископа Фишера и Мора. Обвинение против Мора гласило, что он «настойчиво, дерзко и надменно» отказался от присяги. Мор и Фишер обвинялись в измене, и им грозила смертная казнь. Среди членов палаты общин, принявшей законы о наследовании, об измене и утвердившей обвинительный акт о государственной измене Мора, находились члены его семьи: его шурина Джон Растелл, зятья Уильям Ропер, Джайлс Херон, Уильям Даунс Джайлс Алинтон. Трудно представить, что пережили эти люди во время парламентских дебатов по поводу законодательных актов, решивших судьбу Томаса Мора. Все они приняли требуюмую присягу. Отчетов о парламентских дебатах не сохранилось.

Первый допрос Мора, после того как парламент утвердил указанные законодательные акты, состоялся 30 апреля 1535 г. Незадолго перед этим, 28 апреля 1535 г., за отказ признать короля верховным главой церкви Англии были приговорены к повешению и четвертованию три монаха-картузианца, которых заключили в Тауэр 16 апреля. Один из этих осужденных — ученый монах из Сионского аббатства Ричард Рейнольдс — был близким другом Мора. По-видимому, устрашающий пример расправы над монахами должен был помочь королевскому совету сломить упорство Мора. Во время допроса секретарь короля Кромвель спросил Мора, читал ли он парламентский акт о том, что король является главой церкви. Мор ответил, что читал. Кромвель продолжал: «С тех пор как парламент провозгласил, что его в-во и наследники его по праву есть, всегда были и вечно будут в качестве верховного главы на земле церкви Англии после самого Христа, собравшиеся здесь по желанию короля члены его Совета требуют, чтобы Мор изложил свое мнение по поводу данного статута». На это Мор ответил, что он глубоко убежден в том, что «его в-во король не мог потребовать, чтобы к нему, Мору, обращались с подобными вопросами, поскольку королю хорошо известно мнение Мора, которое он с самого начала сообщил его в-ву. И теперь я освободил мой ум от всех таких дел и не желаю обсуждать ни титулы короля, ни титулы папы, но как истинный верный подданный короля я молюсь и буду молиться за него и за всех вас, которые составляют его славный Совет, и за все королевство и не намерен вмешиваться ни во что другое»²⁵.

Итак, Мор отверг все попытки Кромвеля заставить его высказаться по существу парламентских статут. Он твердо заявил: «Я не совершил ничего дурного, я не говорил ничего дурного, я не замышляю никакого зла, но желаю всем добра. Если этого недостаточно, чтобы сохранить человеку жизнь, поистине тогда мне не долго жить».

Приведенные данные о допросе Мора мы находим в одном из его писем к дочери Маргарите, написанном 2 или 3 мая 1535 г. под свежим впечатлением от случившегося²⁶. 4 мая 1535 г. Маргарите было дано разрешение снова посетить отца в Тауэре. Вероятно, день свидания был назначен не случайно, в этот день мимо окон кельи, в которой был заключен Мор, должны были вести на казнь в Тайберн осужденных монахов-картузианцев. Давая разрешение на свидание, Кромвель, возможно, надеялся, что перед этим страшным шествием осужденных дочь употребит все свое влияние и уговорит отца подчиниться королю. Ропер рассказывал впоследствии об этом дне со слов своей жены. Мор и его дочь из окна тюремной кельи в Тауэре смотрели, как осужденные монахи шли на казнь. Но эта тяжелая сцена не только не поколебала духа Мора, но придала ему мужество. Стараясь утешить свою дочь, Мор сказал ей: «Ты посмотри, Мег, как весело идут на смерть эти праведные отцы, будто женихи на свадьбу»²⁷.

Признать короля главой церкви означало для Мора потворствовать королевскому деспотизму и поступать против собственной совести. О непримиримости Мора к деспотизму свидетельствует характерный диалог, который состоялся между ним и герцогом Норфолькским еще в то время, когда Мор только что сложил с себя полномочия канцлера. «Опасно воевать с государями, — сказал герцог, — и я хотел бы, чтобы вы уступили желанию короля. Ведь, ей-богу, гнев короля равносителен смерти». На это Мор спокойно возразил: «И это все, милорд? Но тогда между мною и вами лишь та

²⁵ Th. More. The Correspondence, p. 550—553; E. E. Reynolds. The Field is Won. The Life and Death of St. Thomas More. London, 1968, p. 334—335.

²⁶ Th. More. The Correspondence, p. 550—554.

²⁷ W. Roper. Op. cit., p. 80.

разница, что я умру сегодня, а вы — завтра»²⁸. Этот диалог характеризует твердость и мужество Мора, готового скорее умереть, чем изменить своим убеждениям. Поэтому все попытки короля сломить Мора и заставить его пойти на компромисс ни к чему не привели. Долгие месяцы тюрьмы и пережитые страдания не сломили мужества Мора и епископа Фишера. Их мужественный протест против королевского деспотизма и верность своим убеждениям за это время обрели международную огласку, и это нанесло существенный моральный ущерб политике Генриха VIII. В конце мая в 1535 г. Англии стало известно, что новый римский папа Павел III пожаловал епископу Фишеру сан кардинала.

Испанский посол Юстас Шапжи доносил императору Карлу, что эта акция папы вызвала ярость Генриха VIII, заявившего, что сперва он прикажет снять голову епископу Фишеру, «а затем пошлет ее в Рим за кардинальской шляпой». После этого инцидента король немедленно послал в Тауэр членов своего совета, поручив им потребовать от епископа Фишера и Мора «присягу королю как главе церкви, в противном случае накануне дня Св. Иоанна (т. е. 24 июня) они будут казнены как изменники. Но ни угрозами, ни обещаниями добиться от них присяги оказалось делом невозможным... Однако поскольку оба являлись лицами, пользующимися исключительной репутацией в этом королевстве, король, желая успокоить ропот общественного мнения, распорядился, чтобы священники еще в прошлое воскресенье стали проповедовать против них в большинстве здешних церквей и это будет продолжаться и в следующее воскресенье»²⁹.

17 июня 1535 г. перед судом предстал Джон Фишер. Главная улика против него состояла в том, что он при свидетелях заявил, будто «король, наш суверенный господин, не является верховным главой церкви Англии на земле». Фишер был признан виновным в измене, осужден к смертной казни и 22 июня был обезглавлен на Тауэрхилл. 1 июля 1535 г. состоялся суд над Томасом Мором. Обвинительный акт против Мора основывался на четырех следующих уликах: во-первых, во время допроса 7 мая 1535 г., когда его спрашивали, признает ли он короля верховным главой церкви, Мор «злонамеренно и преступно» молчал. Второй пункт обвинения гласил, что 12 мая 1535 г. Мор послал епископу Фишеру письма с целью ободрить и поощрить его позицию, а также сообщить, что сам он придерживается тактики молчания. Кроме того, во время допроса 12 мая Мор сказал: «Акт парламента подобен обоюдоострому мечу, ибо, если (по поводу «Акта о верховенстве короля». — И. О.) дашь один ответ — погубишь свою душу, дашь другой ответ — погубишь свое тело». Третий пункт обвинения фактически в более пространной форме повторял вышеизложенный пункт, здесь указывалось, что Мор и Фишер по закону об измене являются соучастниками, так как оба они на допросах говорили: «парламентский статут подобен обоюдоострому мечу». Наконец, четвертый пункт основывался на свидетельстве сэра Ричарда Рича, в беседе с которым Мор якобы сказал, будто король не может быть главой церкви и этим самым он «злонамеренно» упорствовал в своей измене. В состав судебной комиссии входили следующие лица: преемник Мора лорд-канцлер Т. Одли, дядя новой королевы герцог Норфольк, отец Анны Болейн граф Уилтшир, брат Анны лорд Рокфорд, лорд хранитель печати граф Кемберленд, хранитель королевского гардероба лорд Уиндзор, герцог Сэффольк, секретарь короля Т. Кромвель, два главных королевских судьи, а также другие судьи. Всего судебная комиссия насчитывала 19 человек. Суд состоялся 1 июля 1535 г. в Вестминстерском зале в суде королевской скамьи. Члены семьи Мора не были допущены в суд.

Из обвинений, выдвинутых против Мора, наиболее убедительным с точки зрения суда должно было стать обвинение, подкрепленное свидетельским показанием Р. Рича. История этого единственного свидетельского показания на процессе Мора такова: 12 июня, когда в последний раз допрашивали епископа Фишера, в тюремную келью Мора пришел лейтенант Тауэра сэр Э. Уолсингем, который сообщил, что королевский Совет предписал ему отныне более сурово обращаться с узником. Уолсингема сопровождали главный юридический поверенный короны Р. Рич, шериф Норфолька Р. Сау-велл и двое слуг, которые во исполнение предписания королевского Совета должны бы-

²⁸ W. R o p e r. Op. cit., p. 71—72.

²⁹ «Letters and Papers of the Reign of Henry VIII», vol. VIII, p. 876; E. E. R e y- n o l d s. Op. cit., p. 338.

ли забрать у заключенного бывшие в его распоряжении книги, бумаги и письменные принадлежности. Мор еще не знал, что Рич 7 мая посетил епископа Фишера и обманным путем спроводировал его высказаться по поводу титула короля как главы церкви. Нет сомнений, что подобный трюк Рич собирался проделать и с Мором, к которому он обратился с такой речью: «Поскольку, мастер Мор, хорошо известно, что Вы — человек мудрый и ученый, так же сведущий в законах королевства, как и в других делах, позвольте мне быть настолько смелым, чтобы предложить Вам такой вопрос. Допустим, сэр, имеется акт парламента о том, что все королевство должно признавать меня в качестве короля. Скажите, мастер Мор, Вы признали бы меня королем? — Да, сэр, — ответил Мор, — я признал бы это». — А вот другой случай, — продолжал Рич, — допустим, что был бы акт парламента о том, что все королевство должно признавать меня папой. Вы, мастер Мор, признали бы тогда меня папой?» «Отвечу, сэр, — сказал Мор, — парламент может с успехом вмешиваться в дела светских принцев, как в Вашем первом случае. Но чтобы дать ответ на Ваш другой пример, я приведу такой случай: предположим, парламент принял бы закон, по которому бог не должен быть богом. Вы, мастер Рич, согласились бы признать, что бог отныне не является таковым?» «Нет, сэр, — ответил Рич, — я не сказал бы так, поскольку никакой парламент не мог бы принять подобный закон». На эти слова Рича Мор якобы сказал, что «с таким же успехом, не больше, парламент мог бы сделать короля верховным главой церкви».

Документ, содержащий отчет об этой беседе между Мором и Ричем, происходившей в Тауэре 12 июня 1535 г., был обнаружен лишь в 1963 г. среди государственных бумаг архива Public Record Office³⁰. Документ этот не имеет даты. По мнению проф. Рейнольдса, он был написан вскоре после беседы и во всяком случае до составления обвинительного акта по делу Мора³¹. Обвинительный акт воспроизводит содержание беседы Мора с Ричем почти в тех же выражениях, что и указанный документ, содержащий отчет об этой беседе. В заключение беседы с Мором Рич сказал: «Ладно, сэр, помоги Вам бог, я вижу Ваше мнение не изменится, и я боюсь, что это для Вас будет опасно, ибо я полагаю, что Ваше молчание в ответ на вопрос, который Вам был поставлен, является таким же высоким преступлением, как и преступление того, кто отрицает титул короля как верховного главы церкви»³². Через два дня после беседы с Ричем Мор был вызван в королевскую комиссию, где ему вновь были предложены вопросы, касавшиеся титула короля как верховного главы церкви, а также брака короля с Анной Болейн. Ни на один из поставленных вопросов Мор не ответил. Такова предыстория суда над Томасом Мором.

На суд из Тауэра в Вестминстер Мора доставили по реке на лодке. По-видимому, организаторы суда опасались проявлений сочувствия «изменнику», если бы Мора повели по улицам Лондона, как это случилось накануне с епископом Фишером. Увидев епископа, многие встречные горожане старались выразить ему свое сочувствие и даже вставали на колени, чтобы получить его последнее благословение.

Когда Мор прибыл в Вестминстер и вошел в зал, где заседала судебная комиссия, все, кто давно не видел его, были поражены, как сильно он изменился за долгие месяцы пребывания в Тауэре. Он выглядел больным, слабым и изможденным стариком. Седые волосы, длинная борода, нетвердая походка делали его совершенно неузнаваемым. Трудно было представить, что этот больной и слабый старик на самом деле еще совсем не старый человек, что это бывший могущественный канцлер королевства, недавний любимец короля. Подсудимый был настолько слаб, что ему был принесен стул и было разрешено сидя выслушать обвинительный акт, который зачитал лорд-канцлер Одли. После чтения обвинительного акта канцлер Одли предложил Мору прощение короля, если он «отречется и изменит» «свое упрямое и своевольное мнение». Как самый старший из совета короля присутствовавший на суде герцог Норфольк подтвердил слова канцлера с обещанием прощения короля в случае отказа Мора от его упрямого заблуждения. Но Мор не принял этого предложения.

Отвечая на выдвинутое против него обвинение, Мор в первую очередь коснулся вопроса, который, хотя и не упоминался в обвинительном акте, но, по его мнению, как,

³⁰ E. E. Reynolds. Op. cit., p. 385—386; E. E. Reynolds. The Trial of St. Thomas More. London, 1965, p. 166—167.

³¹ E. E. Reynolds. The Field in Won, p. 343.

³² Ibid., p. 384, 386.

впрочем, и по мнению членов суда, был одним из коренных вопросов обвинения. Это был вопрос о браке короля с Анной Болейн. Мор заявил, что он «никогда с преступным намерением ничего не говорил против последнего брака короля». Все, что им когда-либо было сказано об этом деле, говорилось не иначе, как «согласно моему разумению, мнению и совести». И за эту ошибку, сказал Мор, он уже заплатил своей свободой: пожизненным заключением и конфискацией имущества. Что же касается «моего упорства и молчания, — продолжал Мор, — то ни ваш закон и никакой закон в мире не способен справедливо и честно наказывать меня, если вы ни словом, ни фактом не можете при этом подкрепить выдвинутое против меня обвинение». В этих словах Мора была аргументация юриста. Убедительно возражал Мор против обвинения его в преступном сообщничестве с епископом Фишером. Он доказал суду, что его переписка с Фишером в Тауэре не выходила за пределы простого человеческого общения двух старых друзей и не имела никакой политической подоплеки, тем более, что каждый из них, не советуясь друг с другом, вполне самостоятельно поступал так, как ему подсказывала совесть. Как опытный юрист Мор обращал внимание суда на то, что, если из настоящего обвинительного акта удалить эпитеты («злонамеренно, изменнически, дьявольски»), якобы доказывающие его виновность, станет вполне очевидным отсутствие каких бы то ни было оснований для наказания. Тогда для доказательства виновности Мора в государственной измене суд обратился к показаниям Рича. Вызванный в качестве свидетеля, он пытался помочь обвинению. Отвергая свидетельство Рича, Мор без обиняков заявил суду, что эти показания лжеца, не достойные доверия. Все что он действительно говорил Ричу, продолжал Мор, было сказано лишь по поводу предполагаемых случаев, которые обычно юристы используют в качестве примеров при обсуждении спорных юридических казусов. Вероятно, выслушав эту гневную отповедь Мора, Рич оказался в весьма затруднительном положении. По просьбе Рича для подтверждения его показаний в суд были вызваны слуги, присутствовавшие во время его беседы с Мором в Тауэре. Но они не подтвердили показаний Рича. Оба ссылались на то, что были заняты своим делом, упаковывали книги и рукописи и не слышали беседы Рича с Мором. Тем не менее отсутствие бесспорных улик против обвиняемого не помешало суду утвердить обвинительный акт, поскольку все было предрешено заранее. Мор был признан виновным в государственной измене. Канцлер Одли уже начал читать приговор, когда Мор прервал его репликой, смутившей канцлера. «Мой лорд, — сказал Мор, — когда я имел дело с законом, в подобном деле перед приговором обычно должны были спрашивать обвиняемого, что он может сказать в свое оправдание?» Убедившись, что приговор уже предрешен и далее бесполезно скрывать свои убеждения, Мор решил откровенно высказаться по поводу предъявленного ему обвинения в измене. Он выразил твердое убеждение, что английское королевство, будучи лишь одним членом и небольшой частью церкви, не может издавать закон, противоречащий общему закону вселенской католической церкви, подобно тому как город Лондон, будучи лишь ничтожной частью по отношению ко всему королевству, не может издавать закон, противоречащий акту парламента и обязательный для всего королевства. Отстаивая законность своей точки зрения на церковное управление, Мор ссылался также на первую статью Великой хартии вольностей, в которой говорилось, чтобы «английская церковь была свободна и владела своими правами в целостности и своими вольностями неприкосновенными». Кроме того, он обратил внимание на то, что отрицание власти папы в церковных делах находится «в противоречии с текстом священной присяги, которую сам же его в-во король, как и любой другой христианский государь, торжественно принимал при коронации. И в этом смысле отказ королевства Англии в послушании папскому престолу не более правомерен, нежели отказ дитя в послушании своему родному отцу».

Как подчеркивает проф. Рейнольдс, протест Мора против реформационной политики Генриха VIII производит тем большее впечатление, что это был протест человека, считавшего себя верным слугой государя. Свой отказ от присяги королю в качестве главы церкви Мор рассматривал как дело своей личной совести и в этом смысле как свое частное дело. Это был протест против вторжения власти короля и парламента в ту область, которая до тех пор считалась находящейся в компетенции церкви³³.

³³ E. E. Reynolds. The Field is Won, p. 368.

Приговор, вынесенный Мору, гласил: «Вернуть его при содействии констебля Уильяма Кингстона в Тауэр. Оттуда влечь по земле через все лондонское Сити в Тайберн, там повесить его так, чтобы он замучился до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умер, отрезать половые органы, вспороть живот, вырвать и сжечь внутренности. Затем четвертовать его и прибить по одной четверти тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на лондонском мосту»³⁴.

После приговора констебль Тауэра У. Кингстон сопровождал Мора из Вестминстера к причалу «Старый лебедь», близ Тауэра. Кингстон был искренним другом Мора. С тяжелым сердцем и не сдерживая слез, он простился с Мором. Впоследствии Кингстон признавался У. Роперу: «Честное слово, мне было стыдно за себя; уходя от Вашего отца, я почувствовал такую слабость духа, что он, которого я должен был утешать, был столь мужествен и тверд, что сам утешал меня». На пути от причала «Старый лебедь» к Тауэру произошла последняя встреча Мора с его близкими, дочерью Маргаритой, сыном Джоном и Маргаритой Клемент (женой воспитанника Мора Джона Клемента). Это было тяжелое прощание, дети понимали, что видят отца в последний раз. На глазах у вооруженных стражников Маргарита бросилась к отцу и обняла его, целуя в последний раз.

Рано утром 6 июля 1535 г. в Тауэр прибыл друг Мора Томас Поп, служивший в канцлерском суде. Поп сообщил Мору о том, что он должен быть казнен в 9 часов утра и король заменил ему мучительную казнь в Тайберне отсечением головы³⁵. Мор спокойно выслушал сообщение друга и поблагодарил короля за его «милость». Идя на смерть, Мор собирался надеть свою лучшую одежду, подаренную его старым другом Антонио Бонвици. Но лейтенант Тауэра убедил его не делать этого, так как одежда казенного обычно достается палачу. На казнь Мор шел в грубой серой одежде, принадлежавшей прежде его слуге Джону а'Вуду, который некоторое время обслуживал Мора в Тауэре. В самом раннем отчете о казни Мора мы читаем: «В среду (в действительности это был вторник. — И. О.) он был обезглавлен на большой площади против Тауэра и сказал перед смертью немного: чтобы народ здесь молил бы за него бога, и он будет молиться за них. Потом он ободрял и увещевал их и горячо просил бога за короля, чтобы бог дал ему доброго советника, объявив, что он умирает добрым слугой короля, но прежде всего бога!».

Следующий по времени отчет о казни Мора сообщает Хроника Холла, впервые опубликованная в 1542 г. Холл являлся авторитетным свидетелем. В 1535 г. он был помощником шерифа в лондонском Сити и, возможно, даже присутствовал при казни Мора. Если же он и не был очевидцем происходившего, то в силу своего должностного положения он несомненно располагал самой достоверной информацией, полученной из первых рук. Следует добавить, что Холл был горячим сторонником политики Генриха VIII и не мог сочувствовать позиции Мора и Фишера в отношении церковной политики короля. Вот как сообщает Холл о казни Мора: «Также в 6-й день июля был обезглавлен сэр Томас Мор за такую же измену, о которой было рассказано выше (перед этим Холл описывал казнь единомышленника Мора, епископа Джона Фишера. — И. О.) и которая состояла в отрицании Верховенства королевского величества». Оценивая позицию Мора, Холл писал: «Этот человек также (как и епископ Фишер. — И. О.) считался ученым и, как вы раньше слышали, он был лорд-канцлером Англии и в то время большим гонителем тех, кто питал отвращение к Верховенству епископа Рима, которого он так высоко почитал, что упорствовал в этом до тех пор, пока не был приведен на эшафот на Тауэр-хилл, где на плахе была отрублена его голова... Я не могу решить — называть ли мне его глупым мудрецом или мудрым глупцом, так как, несомненно, он помимо своей учености имел большой ум, но к его уму примешивалось столько издевки и насмешки, что тем, кто его хорошо знал, казалось, его совсем не заботит, что о нем ска-

³⁴ Т. В. Н а w e l l. State Trials, vol., I. London, 1816, p. 392; T. S t a p l e t o n. Op. cit., p. 176.

³⁵ Согласно версии, которую приводит в сочинении о жизни Мора Т. Степлтон, узнав о королевской «милости», Мор не без горького юмора воскликнул: «Избави, боже, всех моих друзей от такого королевского милосердия!» — T. S t a p l e t o n. Op. cit., p. 177. Профессор Рейнольдс считает, что «милость» короля, возможно, объяснялась стремлением избежать нежелательных демонстраций с выражением сочувствия «изменнику» во время шествия через весь город из Тауэра в Тайберн, в то время как казнь топором совершалась обычно около Тауэра.

жут... Так, по прибытии в Тауэр один из служащих потребовал верхнюю одежду прибывшего (Мора) в качестве вознаграждения. Мор ответил, что тот получит ее, и снял при этом свой колпак, говоря, что это самая верхняя одежда, которую он имеет. Подобным образом, даже идя на смерть, когда у ворот Тауэра некая бедная женщина обратилась к нему с какой-то претензией по поводу своих дел, не получивших решения в дни его канцлерства, Мор ей ответил: «Добрая женщина, потерпи немного, король так милостив ко мне, что ровно через полчаса освободит меня от всех моих дел и поможет тебе сам»³⁶.

Далее, вспоминая последние слова Мора, сказанные им палачу, Холл заканчивает свой рассказ: «С насмешкой он окончил свою жизнь». Таков отчет хрониста, не сочувствовавшего политическим убеждениям Мора. Сведения, сообщаемые Хроникой Холла, дополняют биографии Мора, написанные в XVI в. его единомышленниками Ропером, Гарпсфилдом и Степлтоном. Все эти источники свидетельствуют о большой силе духа и стойкости Мора, не покидавших его до конца.

Мимо людской толпы, как всегда сопровождавшей подобные процессии, Мор спокойно шел на казнь. Долгие месяцы тюрьмы и мучительные допросы совершенно подорвали его здоровье. Он сильно исхудал, и от слабости ему трудно было идти. Длинные седые волосы и худое лицо с отросшей бородой очень изменили его. Но, когда изредка он останавливался, чтобы передохнуть, и бросал взгляд на толпу, в его серых глазах, как и прежде, светились необычайная ясность и сила духа, в них были мысль и даже юмор. И на эшафоте, в последние предсмертные минуты, он не утратил способности шутить. Подойдя к наспех сколоченному эшафоту: он попросил одного из тюремщиков: «Пожалуйста, помогите мне взойти, а сойти вниз я постараюсь как-нибудь сам». Ему запретили перед смертью обращаться к народу, по-видимому, король опасался, что все поймут чудовищную несправедливость этого убийства. Свои последние слова Мор сказал палачу: «Шея у меня коротка, целясь хорошенько, чтобы не осрамиться». И уже в самую последнюю минуту, став на колени и положив голову на плаху, добавил: «Погоди немного, дай мне убрать бороду, ведь она никогда не совершала никакой измены».

Так, 6 июля 1535 г. погиб великий сын Англии Томас Мор, ставший жертвой тюдоровского произвола. Генрих VIII и после гибели Мора продолжал мстить его семье, дочь Маргариту неоднократно вызывали на допросы по поводу оставшихся у нее рукописей отца, а сын Мора Джон был даже заключен в Тауэр.

Известие о смерти друга Эразм получил более чем через месяц после казни. Он был стар, тяжело болен и одинок. Как о большой горе, писал он о случившемся одному из своих корреспондентов: «Когда я узнал о смерти Мора, я почувствовал, как будто бы вместе с Мором умер я сам, так тесно связаны были наши две души».

Критика Мором роста социальных противоречий и обнищания народа, его социальная утопия, направленная против частной собственности и позиция по церковно-политическим вопросам, в частности идеализация католицизма, выступают во всей сложности и противоречивости. В произволе и деспотизме Генриха VIII и секуляризации церковных земель Мор видел, как выше отмечалось, угрозу дальнейшего роста нищеты и бедствий бедняков. Реформация в целом, как и складывание абсолютных монархий, была в рассматриваемый период явлением прогрессивным, но осуществлялась в Англии путями, неспкими бедствия народным массам. И это было главным для великого утописта, на целые столетия опередившего свою эпоху.

В данном очерке автор не претендует на исчерпывающий анализ социально-политических и религиозных идей Т. Мора, ибо тема эта обширна и многопланова.

В Москве, у входа в Александровский сад, недалеко от кремлевской стены стоит скромный гранитный обелиск. В 1918 г. по предложению В. И. Ленина, на сером камне были высечены славные имена выдающихся мыслителей и революционеров, которые своими трудами способствовали освобождению человечества от гнета, бесправия и эксплуатации. Рядом с именами основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса начертаны имена выдающихся мыслителей прошлого — социалистов-утопистов. Среди них — имя Томаса Мора.

³⁶ E. Hall. Op. cit., vol. II, p. 265—266.